

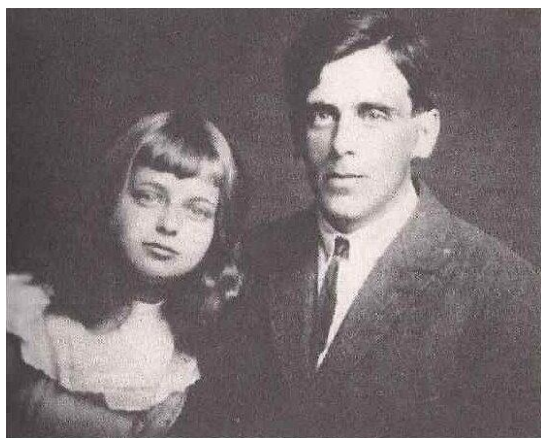
Ариадна Сергеевна Эфрон (1912 - 1975)

Ариадна Эфрон родилась в 1912 году в семье поэта Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Мама обожала Алю (так родные называли Ариадну), считала ее одаренным ребенком и относилась к ней как к взрослому человеку. В 4-х летнем возрасте девочка умела читать, а в 5-летнем писать. Из дневниковых записей маленькой Ариадны впоследствии была издана "Книга детства: Дневники Ариадны Эфрон". Девочка очень любила литературу, была наблюдательна и любознательна.

После революции начались серьезные трудности, главная из которых голод. Не будучи в силах прокормить детей (Ариадну и младшую дочь Ирину), Марина отправила их в приют, но и там девочки недоедали. Этот период оказался очень трудным для детей: они тосковали по дому и родителям, много плакали. Когда Ариадна серьезно заболела в приюте, мама забрала ее домой и должным образом ухаживала.

Аля и С.Эфрон

Аля и М.Цветаева

От Сергея Эфрона, ушедшего на Гражданскую войну, не было известий. Долгое время Марине приходилось выживать и спасать дочь от холода и голода одной. В 1922 году, когда стало известно, что Сергей находится в Чехии и в Россию не может вернуться, мать с дочерью отправились к нему. В Чехии жизнь семьи была трудной, но свое детство Аля воспринимала довольно счастливым. У девочки было всего два старых платья, она много помогала родителям по хозяйству, на игры почти не оставалось времени.

М.Цветаева, Ариадна Эфрон, С. Эфрон

В 1923 году Ариадна пошла в школу-интернат для беженцев. Но обучение ее не продлилось долго, Марина настояла, чтобы дочь училась дома, потому что заметила, что в интернате таланты ребенка гасятся, она становилась "обычной". Марину Ивановну раздражало, что дочь не может развиваться нормально из-за тотальной нехватки денег, недоедания и необходимости много трудиться по хозяйству вместо того, чтобы заниматься.

В 1925 году в семье родился сын Георгий. Затем последовал переезд во Францию. В Париже Аля окончила училище прикладного искусства «Arts et Publicité» (где изучала оформление книги, гравюру, литографию) и высшую Школу Лувра по специальности

«история изобразительного искусства». Во французской столице Ариадна много рисовала, писала статьи и очерки,

делала переводы. Сотрудничала с французскими журналами «Россия сегодня», «Франция — СССР», «Для Вас», а также с журналом на русском языке «Наш Союз», издававшимся парижским «Союзом возвращенцев на Родину». Переводила на французский произведения Владимира Маяковского и других советских поэтов.

А.Эфрон в Париже

Ариадна Эфрон и Самуил Гуревич

В 1937 году Ариадна вернулась в Советский Союз. В те годы, именно в Москве, Ариадна действительно была счастлива. Она успешно работала в журнале «Revue de Moscou» переводчицей в особняке Жургаза. Там она встретила свою большую любовь - Самуила Гуревича (Муля, так называли его близкие). Он был старше нее на восемь лет и женат.

«Аля проходит боковым коридорчиком и поднимается на второй этаж. Она знает: сейчас, там наверху, в коридоре, она столкнётся с ним. Или, пройдя мимо открытой двери, увидит его за столом в кабинете, и он выскочит к ней или она войдёт к нему.<...> И потом целый день они будут перекидываться записками или

курить в коридоре у окна, или он будет заходить к ней, а она к нему. Вся редакция уже знала об их романе, и скрывать было нечего.» (Скрещение судеб М. Белкина)

Самуил часто бывал в Болшево, где жила Ариадна, они бродили по уснувшему посёлку и были счастливы, он оставался у неё, она оставалась у него, Муля окончательно решил уйти от жены. И ничто не предвещало беды!

Ариадна с родителями и братом.

В 1939 году в Советский Союз вернулись и родители Ариадны с братом. Казалось, жизнь налаживается, однако... Ариадну арестовали 27 августа, с этим событием рухнули все надежды. В то утро, когда ее увозили, она видела любимую семью в последний раз.

Под страшными пытками (Алю ставили раздетую в холодном карцере, где нет возможности присесть, вызывали на допросы в ночь, держа до самого утра, не давая таким образом спать, а спать в камере днём запрещалось, били резиновой дубинкой, всячески издевались) выбивали из неё показания против отца и её самой.

Марина Ивановна, поселившаяся в Голицыне, ночами добиралась поездом до Москвы, чтобы рано утром успеть с передачами для мужа и дочки на Лубянку. Всю дорогу разрывая сердце мыслями, возьмут или не возьмут. Облегчённо выдыхая, если брали, ведь это означало — живы.

«Хотя я и в тюрьме, но я счастлива, что вернулась в Россию, что у меня есть Муля! Только очень жаль, что у меня нет от него ребёнка...», — говорила Аля.

«У Али был неисчерпаемый запас жизнелюбия» как говорила о ней Марина Ивановна.

Свойственная Ариадне с детства черта – «всегда старается облегчить и радуется малейшему пустяку» — проявлялась и там, на Лубянке... (М. Белкина Скрещение судеб) Как рассказывали те, кто был с ней в те времена там, они много смеялись, придумывали какие-то розыгрыши, после всех унижений и мук на допросах, необходима была разрядка. Аля старалась поддерживать своих подруг по беде, хотя сама нуждалась в поддержке не меньше.

Аля вязала. Всё время находясь в застенках. Вязать было нельзя, да и нечем и не из чего, Аля вязала на двух спичках. Она распускала косынку и вязала варежки, потом наоборот. Ей было 27 лет. Самый рассвет.

После десяти месяцев нещадных допросов и издевательств Алю приговорили к восьми годам лагерей. Всё время Муля поддерживает её в письмах, обещает приехать. *«Я люблю тебя до конца нашей жизни. Я глубоко убеждён и даю тебе слово, что ты будешь свободна и мы будем вместе...»* и обязательная подпись *«твой муж»*.

Из писем родственников Ариадна узнала, что ее мать покончила с собой, а отца казнили. Позже она напишет: *«Если бы я была с мамой, она бы не умерла. Как всю нашу жизнь, я несла бы часть её креста, и он не раздавил бы её...»*.

Ариадна вернулась к нормальной жизни, когда ей было уже тридцать пять лет. Она поселилась в Рязани, преподавала в художественном училище. С Самуилом она поддерживала связь, но теперь они уже были просто старыми друзьями.

В 1949 году в Союзе вновь начались репрессии над уже отбывшими срок, за Ариадной снова пришли, срок ее заключения теперь был пожизненный. На поселении она работала уборщицей в школе, затем художником-оформителем в доме культуры, жила в холодной хибаре с подругой.

Позднее они приобрели небольшой домик, с этим помог Борис Пастернак - друг Марины и Ариадны, который всю жизнь поддерживал мать и дочь в трудные времена.

В годы Великой Отечественной умер брат Ариадны Георгий, а в 1951 ее любимый Самуил Гуревич был расстрелян за измену.

После смерти Сталина Ариадна была признана невиновной ввиду отсутствия состава преступления. Аля вернулась в Москву, но никого из родных у нее больше не было, приютили сестры отца.

После ссылки Ариадна посвятила свою жизнь тому, чтобы добиться реабилитации Сергея Эфрона и сохранения литературного наследия Марины Цветаевой. Она по листочку собирала письма и стихи матери. Архив был огромен. Часть, Марина Цветаева, уезжая в СССР, оставляла на хранение по разным людям в Европе, понимая не всё можно везти. Многие оказались утерянными. А перед Елабугой, раздавала архив в Москве, и в Чистополе, уже по приезду в Елабугу. Больших трудов стоило Ариадне пробить первую книгу стихов матери. Подобно мифическим нитям, были эти старания, трудно шла до нас поэзия Марины Цветаевой через лабиринт того времени.

«Сижусь с мамиными рукописями, вместо того, чтобы хладнокровно разбираться в них, только и делаю, что читаю и плачу, и хватаюсь за голову. Из этого сундука, окованного железом, как из ящичка Пандоры встаёт вся та жизнь, которую я в себе и держала, тоже, как в ящичке, и не давала ей ходу. Выйдя из сундука, мамина жизнь туда не возвращается больше, под этим не закроешь крышку. Вот мы и встретились вновь и я, живая, нема в этой встрече, говорит только она».

В конце концов, Аля достигла своих целей: отец был реабилитирован, а книга с произведениями Марины Ивановны издана.

Ариадна умерла в 1975 году.

Ариадна Сергеевна Эфрон

Стихотворение «Встреча»

Из таких невозвратных ямищ
воротят — коли грянет гром.
Мы, лишившиеся пристанищ,
не нашли, возвратясь, свой дом.

Нам не выпала перекрёстность.
Расхождение на пути.
В ту же нору, что в Мерзляковском,
через столько дорог прийти.

Сундуков разведу затворы:
проносимое на горбе
столько лет, как сосуд Пандоры,
передержанное в себе,

прикоснёшься — срывает крышку!
Ах, за голову да бежать!
Эти рукописи — не в книжки,
эти письма — нельзя в печать!

О, чернильные громовержцы,
вёрсты грифельного пути!
Из глубин сундука, как сердце
вынуть матери из груди...

Разрастаясь по краю лога
вызревает рябины кисть.
Промелькнут за порогом дроги
развернув предо мной ту жизнь.

Напролёт этот день и вечер,
в письмах пол и встречаю ночь.
Вот и выпала наша встреча,
вот и свиделись мать и дочь.

Не помочь той душе мятежной,
вот бы выпало рядом стать,
я взяла б на себя, как прежде,
тяжесть маминого креста:

вместе в гору друг с другом сросшись,
на двоих вдвое больше сил;
быть бы рядом и этой толщей
он её бы не раздавил...

На полу письмам внимая,
точно голоса лишена,
я — живая — сижу немая,
говорит в эту ночь она.